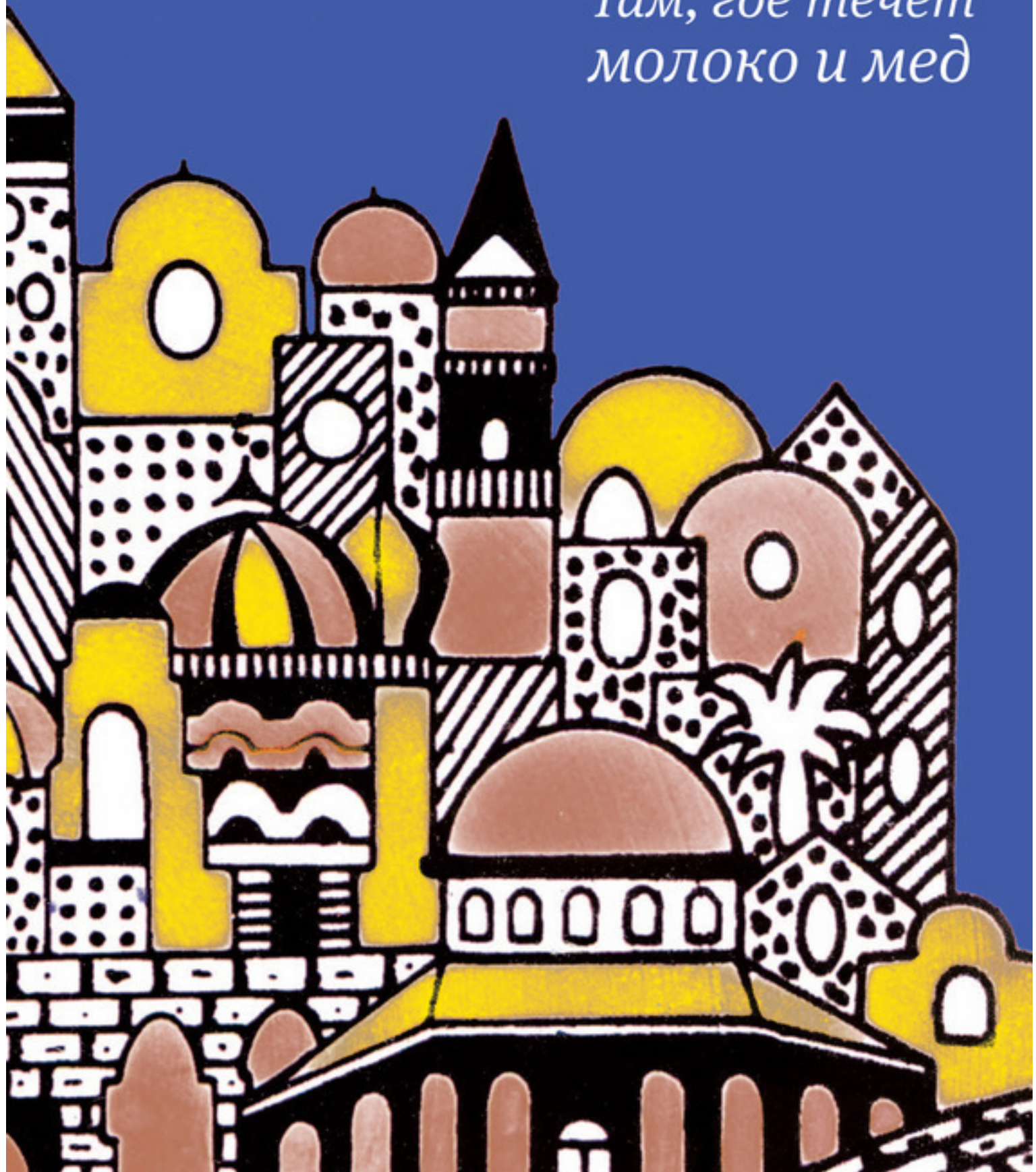

ЕЛЕНА МИНКИНА-ТАЙЧЕР

*Там, где течет
молоко и мед*

Самое время!

Елена Минкина-Тайчер

**Там, где течет молоко
и мед (сборник)**

«WebKniga»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

Минкина-Тайчер Е. М.

Там, где течет молоко и мед (сборник) / Е. М. Минкина-Тайчер — «WebKniga», 2016 — (Самое время!)

Что есть любовь? Преданность Родине, тоска по дому, обаяние ребенка, страсть женщины? Роман «Там, где течет молоко и мед» об обетованной Любви, музыкальная притча о четырех поколениях большой еврейской семьи, ветвистом дереве, срубленном под корень и возродившемся вновь. В книгу вошли также три повести – три истории в монологах, словно три пьесы, продиктованные жизнью. О страсти и усталости, надежде и вечном непонимании друг друга, смерти, предательстве, отчаянии. И всегда о любви. Как и в первой книге Елены Минкиной-Тайчер «Эффект Ребиндера», выпущенной издательством «Время» и получившей признание читателей и литераторов.

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

© Минкина-Тайчер Е. М., 2016
© WebKniga, 2016

Содержание

Там, где течет молоко и мед	6
Глава 1. Соня номер три	8
Глава 2. Мирка	12
Глава 3. Родители	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Минкина-Тайчер

Там, где течет молоко и мед (сборник)

© Елена Минкина-Тайчер, 2016

© Валерий Калныньш, макет, оформление, 2016

© «Время», 2016

* * *

*И сказал Господь: Я увидел страдание народа Моего... и иду
избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей... в землю
хорошую и пространную, где течет молоко и мед...*
Исх. 3: 7, 8

Там, где течет молоко и мед

Роман

Виктору Топаллеру

Ломир але инейнем, инейнем...

Ах, как поет и плачет скрипка! Как она рыдает, эта безумная скрипка, как молит все отчаянней – уже только на одном звуке, на одной самой тонкой и беззащитной струне. Еще мгновение – и лопнет струна, и разорвется сердце от любви и печали...

Ну право, что за печаль? Ведь это же просто свадьба. Торжественная и смешная, обязательная и немного лишняя израильская свадьба. *Ой-мама-мамочка моя, веди под хупу свою дочку!*

Бедный мой нелепый и великий народ. Все-то ты поешь, как плачешь, и плачешь, как поешь.

...Ломир але инейнем, инейнем
Тринкен аби-и-селе вайн!..
Давайте все вместе, все вместе
Выпьем немно-о-о-жко вина!..

Да, это мы. Это мы поем свадебную задравную песню. И неважно, что почти никто из гостей не знает слов. Разве непонятно без слов?

...ди кале мекабл понем зайн!

Все, все пьем за невесту! О, ты прекрасна, возлюбленная моя! Тридцать часов родов с отошедшими водами, аллергия, ветрянка, в пять лет она потерялась на прогулке в парке, в восемь упала с качелей и сломала передний зуб.

...Губы твои алы – нега смотреть на них...
глаза твои глубоки, как два озера Есевонских...

Надо же, совершенно взрослая настоящая невеста! И так уверенно кладет руку на плечо жениха...

...дем хосн микабл понем зайн!
Все пьем за жениха!
О, ты прекрасен, возлюбленный мой!

Конечно, только самых высоких и сильных, самых веселых и надежных парней принимают в израильские летчики, никто и не сомневался! Вот он откидывает кудрявую голову, любуясь своей несравненной женой. ...Неужели, неужели они когда-нибудь состарятся?

...дем зейде...

И усталый мудрый старик встает и кланяется гостям, безуспешно скрывая слезы. Арончик, маленький озорник, помнишь, как ты украл ножик у отцовского постояльца? Не горюй, это было твое единственное преступление!

...ди бобе...

Ах, если бы старшая сестра Соня могла увидеть сейчас свою Верочку и ее чудесную красавицу-внучку! Вот бы порадовалась и удивилась: Верочка и – вдруг старушка! И маленькая седая женщина откровенно плачет и целует сидящих рядом родственников.

...дем тате...

Нет, что ни говорите, редкий отец может похвастаться такой красавицей и умницей! Саша, ты слышишь, Саша, мы не зря встретились в этом запутанном холодном мире! Ты поднимаешь над головой руки, жесткие, навсегда сожженные йодом руки хирурга и победителя. Да, кажется, мы все-таки победили.

...ди маме...

Ах, что она так рыдает, эта скрипка? Подождите. Подождите немного. Разве пришла очередь невестинной мамы? И всех остальных уже чествовали? Всех-всех, старую Сару, Мирку с братьями, Иосифа, Давида, Рахель, мудрого, рыжего, как огонь, ребе Раппопорта? Что за ненужные вопросы! Это ведь просто свадьба, веселая и немножко нелепая еврейская свадьба.

Я послушно встаю, улыбаюсь, поплотнее запахиваю шаль. Почему, зачем так бездумно мчится безжалостное непокорное время?

...Положи меня как печать на сердце твоём...

Глава 1. Соня номер три

– Нет, это безумие, – говорит мама – это истинное безумие. Как она поедет одна? В поезде! Ночью! В конце концов, ребенку тринадцать лет, а не тридцать!

– Не тридцать, – с готовностью соглашается папа, – я бы даже сказал, не сорок пять, ты, Верочка, очень наблюдательна.

Папе легко смеяться, а мне и тринадцать-то редко дают из-за несчастного роста.

– Тебе бы только смеяться, – говорит мама. А если поезд опоздает? А если Славик ее не встретит? Арон, мы сошли с ума, мы просто сошли с ума!

Я стою у зеркала. Нет, не подумайте, что я *смотрюсь* в зеркало, ничего прекрасного или просто привлекательного мне там не найти, но зато открытая дверца шкафа скрывает вход в детскую, и я надеюсь, что мама отвлечется и забудет обо мне хоть на минутку. Да, *детская*, так они дружно называют мою комнату. Недавно на день рождения мама подарила мне собственноручно вышитый коврик с веселым розовым слоником и тут же водрузила его на стену, прямо напротив двери. Хорошо, что почти все ребята из класса живут в коммунальных и мы редко ходим друг другу в гости.

Зеркало издевательски поблескивает, отражая мою незаурядную внешность. Если человеку везет, так уж во всем! Как говорит наш сосед Эдик Оганесян – *низкая, зато толстая*. И если волосы, то обязательно рыжие, и в колечках, как у самого породистого барана, и вы можете мочить их водой хоть целый час, и мазать маслом, и затягивать в косы – все бесполезно, через пять минут вокруг головы поднимется оранжевый ореол, плавно переходя в веснушки такого же цвета. И если еще добавить зеленые глаза, то просто получается не физиономия, а морковно-капустный салат.

– Прекрасная ашкеназская внешность, – говорит папа, – повезло так повезло! Только самые породистые и древние семьи сохранили настоящую тонкую красоту. Подумайте, во всем мире модницы мечтают о рыжих кудрях – накручивают волосы на железки, пачкают хной, а она еще жалуется! Скоро посмотришь, какая тут выстроится очередь из поклонников. Да они просто поумирают у твоих ног!

– Какие поклонники, о чем ты говоришь с ребенком, – охает мама, – легкомысленный балабон!

Да, если послушать папу, так все прекрасно – и позорный рост, и косы, и очки. Если завтра у меня вырастет третье ухо, он будет уверять, что это и есть признак *настоящей* красоты, а не какие-то банальные два уха! Не сомневайтесь, имя тоже он придумал. Соня. Будто я все время сплю! Или еще лучше – Софа, именно так называет меня мамина подружка Фира Наумовна! Но маме и этого мало. Она обожает придумывать всякие, как ей кажется, милые уменьшительные имена – Софульчик, Софончик. Маме легко, ее не дразнят каждую перемену, ее родителям хватило сообразительности дать дочери нормальное человеческое имя. Однажды мы писали диктант в классе, и Нина Андреевна прочла: «...он лежал *на софе*». Представляете? Наши умники просто рыдали от восторга.

Правда, с того дня папа запретил произносить имя Софа в нашей семье.

– Прекрати эти местечковые штучки! – кричал он маме. – У ребенка прекрасное исторически знаменитое имя! Софья Ковалевская! Софья Перовская! Софи Лорен, наконец!

(Тут он явно хватил.)

– А ты прекрати реветь! Все ваши Лены и Наташи еще будут завидовать и мечтать о подобном имени!

Ну, на Лену я, честно говоря, не претендую, Лен у нас в классе четыре штуки, но все-таки могли придумать что-то более переносимое.

Конечно, я давно понимаю, что наши домашние крики и объяснения совершенно бесполезны. И Софи Лорен тут ни при чем. Назвали меня в честь моей тети, вернее сразу двух тетей, одной – маминой сестры и одной – папиной, так что я получаюсь уже «Соня номер три», как шутит папа в минуты хорошего настроения. Возможно, во времена его родителей это было очень модное имя, но почему отдуваться именно мне? Причем обеих тетей уже давно нет на свете, так что они все равно не могут оценить папино внимание. Говорят, папина сестра была сказочная красавица, а мама – толстая и смешная, зато очень добрая. Ее так и звали – Соня добрая душа. И мой мудрый папа решил, что благодаря имени его дочь приобретет все достоинства сразу. Ну да! Я бы тоже смеялась на вашем месте.

Впрочем, сейчас ничто не может испортить мне настроения. Ах да, я ведь не сказала самого главного! Я еду в отпуск! Причем совершенно одна! Причем в другой город и почти в другую страну! Виль-нюс. Какое удивительное слово! Я вообще обожаю слова с буквой «л»: *ли-вень, ле-то, лан-дыш* – так и хочется пропеть...

– Ло-дырь, ла-поть... – радостно подпевает папа.

С моим папой невозможно разговаривать ни о чем серьезном!

Раньше мне очень нравилась наша фамилия.

«Блюм-бим-бам, трам-па-пам, – распевала я, шагая с папой за руку из детского сада: – Блюм-бим-бум! Трум-пу-пум!»

Но потом я заметила, что не все разделяют мои восторги.

– Которая тут Блюм? – спрашивала нянечка в группе и нехорошо улыбалась. – А-а, рыжая, не об чем говорить, эта кашу есть не станет. Эти икру едят! На серебряных посудах!

У нас дома, действительно, были «серебряные посуды» – две темные немного помятые рюмки, но никто не ел из них икру. Папа совсем не разрешал трогать эти рюмки, даже на минутку, он говорил, что в них хранится память. И хотя я совсем не понимала, какая связь между старыми рюмками, скользкой кашей и нашей фамилией, мне становилось очень грустно. И не хотелось быть рыжей. Рыжей – одной из всех ребят!

Однажды, когда я уже училась в первом классе, мы с папой пошли гулять в парк. Светило уютное осеннее солнышко, мы дружно шагали по тропинке, усыпанной рыжими, как мои веснушки, листьями, и распевали прелюдию Баха на два голоса. Это была совсем простенькая ученическая прелюдия, но папа ужасно гордился, что я помню ее наизусть. И тут я решилась.

– Пап, – сказала я как можно веселее, – а давай у меня будет другая фамилия. Например, Попова. Или, еще лучше, Петрова.

Да, была такая книжка. Очень спокойная славная книжка – «Школьные годы Марины Петровой». Про хорошую девочку Марину Петрову, как она любит музыку и учится в музыкальной школе. Я тоже любила музыку и училась в музыкальной школе, уже третий год училась, и уже почти до конца разобрала «Март» из «Детского альбома» Чайковского, но у меня никогда не было такого понятного нормального имени. Зачем заставлять человека все время быть рыжим?

И тут случилось ужасное! Мой всегда добрый и веселый папа вдруг остановился посреди улицы, схватил меня за воротник и стал трясти и при этом ругаться ужасными неприличными словами, как соседские мальчишки у помойки:

– Почему Петрова? Кто тебе это сказал?! Тебе в школе сказали?! – он все еще сердился, но все-таки отпустил воротник и даже погладил мою заплаканную щеку. – Запомни навсегда, ты должна гордиться своей фамилией. Потому что мы родом из прекрасной уважаемой семьи и твои родственники – инженеры, врачи, музыканты – все они носили фамилию Блюм. А еще говорила, что хочешь стать музыкантом! Посмотри, какие красивые звучные фамилии

у композиторов – Брамс, Лист, Гайдн, Штраус, Мендельсон. А твой любимый Бах, ты что, забыла?!

И правда, у самого Баха еще более смешная фамилия (мне немножко полегчало), как я раньше не подумала!

Это было давно, и я уже давно понимаю, что папа все придумал про композиторов, как и про Софи Лорен. Будто не существовали на свете Прокофьев или Рахманинов! Но Баха я люблю до сих пор, и до сих пор пою его прелюдии и отрывки из Бранденбургских концертов. Когда никто не слышит, конечно.

Но есть одна пластинка для голоса, хора и оркестра, которую я не пою никогда. «Страсти по Матфею». Я даже не ставлю ее в обычные дни, а только если происходит что-то необыкновенное. Необыкновенно радостное или слишком невыносимо печальное. Игла с тихим треском опускается на черный круг, таинственные прекрасные голоса шепотом запевают первую фразу, и сразу что-то распахивается в моей груди, звенит и распахивается, как окно в холодный осенний сад. И пусть я не понимаю немецких слов, не знаю, о чем поют Господу далекие незнакомые люди, я только слушаю и молю про себя – дальше, дальше, дальше... и вдруг на совсем недоступной, совсем низкой ноте вступает глубокий, как сон, невозможный женский голос: «О, майн Гот...»!

И я тут же забываю про все свои глупые огорчения! Можно ли плакать из-за нескладного имени или глупых веснушек, когда есть хор, и оркестр, и женщина поет мучительно и прекрасно: «О, мой Бог...»

Ну вот, а теперь я еду в Вильнюс. Еду к папиному другу детства.

Однажды кто-то из папиных приятелей рассказал анекдот: если каждому народу положено умереть, то американцы умрут от адвокатов, французы от женщин, русские от водки, а евреи от родственников. Я, честно говоря, не совсем понимаю, при чем здесь американские адвокаты, в этом нелепом анекдоте, но если ему хоть немножко верить, мои родители будут жить вечно. Потому что родственников у них нет. Совсем ни одного родственника на всем белом свете. Если не считать меня, конечно (чуть не забыла!). Зато у них есть старый друг, папин друг детства – дядя Славик, и вот именно к дяде Славику я скоро поеду далеко-далеко, в настоящее путешествие на междугороднем поезде, в город со сказочным названием Вильнюс. Целую длинную ночь на поезде, где так сладко спать, и качаться во сне. И все вокруг будет качаться – вагон, занавеска, полотенце над головой, темные тяжелые подстаканники на столике. И может быть, с этого путешествия начнется какая-то другая, новая и замечательная жизнь.

У дяди Славика есть жена, удивительная жена, литовка тетя Майя. Когда-то давно я всерьез думала, что тетя Майя – Снежная королева. Да, настоящая Снежная королева, только не злая, а добрая. Бывают же добрые феи или волшебницы! Потому что она была вся белая, застывшая и сказочно красивая, а дядя Славик, наоборот, весь черный и лохматый. Много лет назад, еще до войны, у тети Майи и дяди Славика были два маленьких сына, такие же черные и смешные лохматики, и молодая тетя Майя любила шутить, что Слава сам родил своих мальчишек, она тут совершенно ни при чем. В мае 41-го года дядя Славик отвез тетю Майю и сыновей к бабушке, в их с папой родное местечко под Могилевом, а в феврале 42-го мальчиков вместе со всеми жителями местечка расстреляли фашисты. Тетю Майю не стали расстреливать, она ведь была литовкой, и ночью она нашла своих детей в полузасыпанном овраге. Еще тетя Майя нашла одну живую женщину по имени Белла, совсем маленькую женщину, похожую на школьницу с косичкой. Тетя Майя ее сразу узнала, потому что Белла жила на соседней улице и целыми днями катала в колясочке веселую толстенькую дочку-пампушку. И вот теперь эту дочку застрелили у Беллы на руках, поэтому сама она не погибла,

а только потеряла сознание. Тетя Майя вытащила Беллу из-под убитых людей, и они пошли в соседнюю белорусскую деревню, но жители боялись открывать двери, и только под утро одна совсем старенькая старушка разрешила им спрятаться в погребе до прихода партизан. Стоял февраль, и руки Беллы совершенно отмерзли, пока они ходили. А может быть, они отмерзли еще раньше, в овраге, в любом случае все пальцы почернели, и партизанскому доктору пришлось их отрезать.

Через много лет папа разыскал Беллу, потому что про них с тетей Майей написал знаменитый писатель Эренбург в своей книге «Люди. Годы. Жизнь». Она даже приезжала к нам в гости – симпатичная тихая женщина, совсем не старая, моложе моей мамы. Я знала, что папа хотел расспросить, как погибла его сестра Рахель и дети, но он все не спрашивал, а Белла не рассказывала, только пила чай, держа стакан маленькими, как будто сжатыми в кулачки руками.

И я ушла в свою комнату, и играл оркестр, и целый хор Баха плакал и взывал к своему глухому придуманному Богу. И никто был не в силах нам помочь.

А тетя Майя уехала обратно в Литву, и там ее нашел после войны дядя Славик. И у них даже родился еще один мальчик, только тетя Майя дала ему свою фамилию и записала литовцем. Такая вот история.

А недавно дядя Славик прислал письмо.

«Это какой-то кошмар, – писал он, – Арон, старый дуралей, нас осталось двое на всем белом свете, можно ли не видеться столько лет! И если ты, великий Гиппократ, не можешь оторваться от своих больных даже на неделю, то пришли хотя бы Сонечку! Пусть ребенок погуляет, полюбуется на красивый европейский город. А мы полюбуемся на твою девочку, небось так выросла, что и не узнать».

– Ты положила ленты? – это мама кричит уже из кухни.

Если моей маме дать волю, она до сорока лет будет водить меня в лентах и белых гольфах с кисточками.

– А красный свитер с бабочками ты положила? Нет, я все-таки не понимаю, как она поедет совсем одна?!

Да, повезет же родиться единственной дочкой в заботливой еврейской семье!

Глава 2. Мирка

Не великое везенье родиться дочкой в большой еврейской семье, но родиться старшей дочкой – совсем мало радости. Мирке Раппопорт скоро тринадцать, кому знать, как не ей!

Впрочем, что это мы сразу о Мирке? Если уж вспомнили дочку, то почему бы не поговорить и об ее маме, тихоне и труженице Рахели, и об уважаемом ребе Абраме Раппопорте?

Нет! Если вспоминать, так вспоминать. Ведь вся история началась еще с Миркиной бабушки Сары. Ну и мы так начнем.

Вы-то, наверное, не знаете Сариной истории, мало ли народу в местечке, есть и позаметнее люди, и побогаче. Да и времена те давно прошли, и старухи свое насочиняли. Одним словом, как слышали, так и расскажем, потому что из самой Сары слова не вытянешь, лучше и не пытаться.

Говорят, была Миркина бабушка Сара какая-то особенная красавица. Впрочем, про какую из старух не говорят, что она была красавицей! Тут важно другое. Тут важно, что простая местечковая девчонка Сара, уж какая не красавица, а дальше Могилева в жизни не выбиралась, так вот эта самая наша Сара вышла замуж за иностранца! Ну, может быть, не совсем иностранца, все-таки он был евреем, но не из захудалой Жмеринки или облезлых Малятич и даже не из Винницкой области, известной своими богатствами, а из самой Палестины! Давно ли он там жил и как попал в столь немыслимые дали, можно только гадать, идиш иностранец знал плохо, а русского совсем не понимал и фамилию носил странную – Толедано. Уже никто не помнит, зачем приехал Сарин нареченный в наши края – то ли с просветительской миссией, потому как был человек образованный и ученый, то ли провести родню, а родни у каждого еврея, что звезд на небе, да не это важно. Важно, что полюбил он нашу деревенскую красавицу Сару горячей нездешней любовью, так полюбил, что позабыл и миссию, и родной дом – месяца не прошло, а уж гуляли свадьбу! Можете представить, сколько слухов ходило в местечке и о женихе, и о самой свадьбе, да время все унесло. Утро сменяет вечер, горе – радость, не уследишь, не догонишь. Одни старухи иногда вспоминали, что небогатый с виду жених подарил своей невесте диковинный подарок – ожерелье, все сплетенное из разных колечек и звезд, и все колечки в нем, вроде, из чистого золота, а звезды из рубинов! Правда ли, бабья болтовня – никак не проверишь, а старая Сара и подавно не расскажет, но любопытные соседки однажды разглядели у нее на шее под воротниками да платками что-то красивое и блестящее, видно, золотое.

Полдома достались молодым от родителей Сары, не бог весть какие хоромы – комната да передняя, но, ничего, зажили с миром и вскоре родили дочку Рахель. А там и работа нашлась, хорошая чистая работа – учителем в местном хедере, и почетное место в синагоге, как положено семейному еврею, но не жилось у нас этому заморскому человеку, мерз, тосковал, маялся без своей Палестины. И стал он уговаривать Сару уехать. А что долго уговаривать, когда она только кивала да в рот глядела ненаглядному мужу, да она бы в Сибирь за ним поехала, не размышляя!

А дальше наступает в нашей истории полная темнота. То ли отправился реб Толедано впереди семьи, и беда нагнала в дороге, то ли вовсе уехать не успел, а просто прибили его темным вечером в городской подворотне, короче – такое вот случилось невезенье. Соседи погоревали, но не удивились – долго ли обидеть еврея! Одним словом, вместо Палестины отправилась наша Сара на городское кладбище и похоронила там своего диковинного мужа.

Казалось бы, случилось и случилось, мало ли горя ходит по свету! Вдова молода и собой неплоха, одно дитя в нахлебниках, дом от родителей перешел – разве не хватает в местечке вдовцов и бобылей? Но, видно, Сара глядела иначе на свою судьбу. И нельзя сказать, чтоб сильно тосковала – хлопотала себе по хозяйству, растила дочку, держала двух коз

и даже приспособилась ватрушки выпекать на продажу, но ни одной самой пронырливой свахи не подпустила к порогу.

Если призадуматься, так во все годы была Сара немного тронутой. Может, от пережитого, а может и от роду. Например, пела дни напролет, и красиво так пела, но на чужие праздники не ходила и в гости к себе не звала. И дочку наряжала, словно барышню, а какие у нее, спрашивается, доходы! Короче, всё не как у людей! И когда к дочке посватался ребе Авраам Раппопорт, уважаемый человек, другая бы радовалась, а она в слезы. Но дочка ее Рахель умницей оказалась, сама дала ребе согласие и мать уговорила.

Что ж, пришло время рассказать и о дочке, единственной Сариной дочке, единственной памяти по любимому дороговому мужу.

С малых лет росла Рахель тихоней и молчуньей, с нездешней темнотой в глазах, но приветливой и скромной. И никаких материних чудачеств не унаследовала – и с соседями дружила, и старших почитала. Так что ничего удивительного, что понравилась она ребе Раппопорту и вскоре из бедной сироты превратилась в уважаемую невесту раввина. А уважение от людей для умного человека дороже многих богатств! История с ее отцом к тому времени сильно подзабылась. Фамилия, скажете вы? И фамилия забылась, да и кто ж ее выговорит! А Рахель уж давно стали Соркиной звать. У нас в местечке это просто: «Это чья дочка?» – «Ривкина». – «А эта?» – «Минкина», – вот тебе и фамилия!

В общем, ребе Раппопорт не ошибся, жену взял себе под стать. Теперь самое время сказать и о нем, мудром уважаемом всеми соседями местном ребе, старшем сыне сапожника Раппопорта.

Абрам Раппопорт, сын родителей бедных, но порядочных, с детства имел страсть к учению. Кто еще из местечковой молодежи запросто понимал древнееврейский, кто умел столь складно растолковать великую Книгу? А он еще и по-русски говорил без запинки, любой документ разбирал в три минуты! И никак этим не гордился, каждому человеку рад был помочь без малейшей корысти. И когда Абрам окончил ешиву, лучшим учеником окончил, можете не сомневаться, все старики признали его старшим ребе местечка. Чем, спрашивается, не жених для сироты?

Тут надо отметить одну особенность ребе Раппопорта – был он огненно-рыжим. Говорили, если Абрам Раппопорт шагает по вечерней улице, можно свет не зажигать. И дети пошли в него, до того забавные – рыжие да в веснушках, а глаза у всех зеленющие – словно морковно-капустный салат! Только старшая Мирка уродилась темноволосой и черноглазой, в мать. А вернее сказать, в деда своего, покойного Толедано. Может, поэтому полюбила ее бабка Сара особой любовью. А впрочем, чего зря болтать! Какая, спрашивается, еврейская бабушка не любит свою внучку?

Вот мы и добрались до Мирки.

Конечно, Мирка – домашнее имя. Мирьям, вот как назвал ребе Раппопорт старшую дочь. Не иначе, хотел почтить сестру-спасительницу великого Моше Рабейну. Но вы же знаете, как это в жизни – где Мирьям, там и Мира, а где Мира, там и Мирка. Да и есть ли время Мирке, старшей дочке, думать и размышлять!

Сколько себя помнит Мирка, она всегда большая. Только и слышно: «Доченька, подмети двор, ты же большая! Прибери со стола, ты ведь старшая. Выгони козу, поддержи Арончика, замочи белье...»

Нет, мамочка Рахель хорошая, добрая, просто у нее нет времени на Мирку. В доме шумно и дымно, вечно кричит годовалый Арончик, другие братишки – Мотик и Герш – дерутся с утра до вечера, а мамочка то печет, то стирает, то бежит в лавку, а глаза у нее чер-

нее ночи – три месяца назад умер от горячки двухлетний Шмулик. Это уже третий ребенок из семи, что она родила.

Но Мирка знает, где спрятаться. У бабушки, ее любимой доброй бабушки Сары. Как славно и уютно в горячо натопленной, пахнущей пирогами и шалфеем комнате. Спрятаться, уткнуться щекой в мягкую, неведомо когда вязаную бабушкину кофту, обхватить колени руками и рассказывать, рассказывать... Сегодня она – ученица гимназии в длинном красивом платье и белом переднике, завтра – взрослая барышня, живет в нарядном огромном городе и по вечерам выезжает в театр на настоящем извозчике! А еще можно представить, что ее пригласили на бал, но про это и мечтать страшно, где вы видели порядочную еврейскую девушку в платье с открытыми руками, да еще танцующую в одной комнате с мужчинами!

Вы спросите, откуда Мирка знает про театр и про бал? Она читает. Читает русские книжки, не зря же она была лучшей ученицей в местечковой школе. Да она экстерном сдала математику и географию за пятый класс! Достойная дочка ребе Раппопорта. Ах, если бы мамочка согласилась отдать Мирку в гимназию хотя бы сейчас – на последние классы! Говорят, гимназия каждый год согласна принять двух еврейских девочек.

– Забудь, – говорит мамочка Рахель, – не женское дело. И где мы возьмем столько денег, нам же мальчиков учить надо. Вот на будущий год пошлем Мотла в гимназию. Как ни как – старший сын ребе!

– А ты замуж выйдешь – говорит мамочка, – детей народишь, за домом станешь смотреть, за хозяйством. Совсем тебе эта учеба не пригодится!

Но Мирка не может забыть о гимназии.

– Знаешь, бабушка, там учат разным языкам, и французскому, и латыни. И решают задачки. Как я люблю решать задачки! Никто из девочек быстрее меня считать не умеет. А еще есть такая наука – география. Про разные страны и моря. И все это нарисовано на больших бумагах разными красками, и они называются картами. А еще, – тут у бедной Мирки просто дух захватывает от восторга и отчаяния, – если еврейская девочка учится только на отлично и получает золотую медаль, она может поехать в город Петербург на самые высшие женские курсы!

На этом месте сердце нашей мечтательницы не выдерживает, и она начинает рыдать, уткнувшись носом в шершавые ласковые бабушкины руки.

И здесь случается неожиданное. Сара встает, расстегивает воротник и снимает с шеи... да! – вы, конечно, догадались. Ожерелье! Рубины, не рубины, но толстый золотой жгут тяжело повисает в руке – настоящее громадное богатство! Потемневшие колечки горят и сплетаются в невиданный узор, еще теплый от старой шеи.

– Пойду-ка я к твоей маме, – строго говорит Сара, – еще не поздно обсудить да решить.

До вечера бедная Мирка не дышит, не думает, не живет. До вечера она драит курятник, стараясь поймать обрывки разговора из открытого окна. Ветер шелестит ветками сирени, сладко пахнет весной, и робкая упоительная надежда словно теплое молоко наполняет сердце и душу.

– Хорошо, – вздыхает заплаканная мамочка и обнимает Мирку, – головушка моя отчаянная, будь по-твоему! На неделе пойдем к старой Малке Шнеерзон, надо хоть новое платье тебе справить к экзаменам.

Ну что вам дальше рассказать. Хотелось бы поверить, что сбылась Миркина мечта, выучилась она на отлично в гимназии, получила золотую медаль и уехала в город Петербург на самые высшие женские курсы, но ничего такого не случилось. Может быть, вы помните, что каждый год принимали в гимназию только двух еврейских девочек. И этими девочками оказались Ривка Вайман и Нехама Лазарович, дочери самых богатых евреев города. Где уж тягаться с ними местечковому ребе! Мирку записали кандидатом на следующий класс.

А следующей весной, когда так же сладко пахла сирень и жизнь, казалось, расцветает с новой силой, тихо вскрикнула и умерла в родах мамочка Рахель, и, не пережив трех недель, задохнулась от горя и ушла за ней старая Сара. Ах, не зря она плакала и горевала, отдавая доченьку замуж! Когда вернулись с кладбища, ребе Абрам покачал побелевшей от горя головой, обнял Мирку и повесил ей на шею чудесное ожерелье.

– Твое, – только и сказал он тихо. Мирка молча застегнула воротник, повязала поверх платок. В углу подвывали Мотл и Герш, наконец переставшие драться, кашлял маленький Арончик, блеяли недоенные козы.

А дальше и рассказывать нечего. Мальчики подросли. Абрам стал совсем белым, и все молился и читал свои книги, а потом как-то незаметно женился на доброй некрасивой вдове. Была она бездетной, о мальчиках заботилась хорошо, и они таки поехали учиться в город, правда, не в гимназию, а в ремесленное училище, попроще и подешевле, но зато все трое, один за другим. А Мирка вышла замуж за хорошего порядочного человека, местечкового кантора и учителя Иосифа Блюма. И родила своих детей, да-да, пятерых прекрасных детей – старшего сына Давида, умницу и первого отличника, весь в деда Абрама, и дочку Рахель, тихоню и мамину помощницу, и еще двух вечных забияк, Шмулика и Меера, вылитые ее братцы Мотл и Герш, и, наконец, последнюю девочку, последнюю свою радость, красавицу Сорелэ, Сарочку. И вот уже готовит она приданое старшей доченьке Рахели, названной в память о покойной маме, девушку из достойной семьи надо и выдать достойно, а нет покоя в душе нашей Мирки, Миры Абрамовны Блюм. Задумалась она, склонившись над сундучком с семейным серебром, перебирает рюмки и ложки, а мысли ее далеко.

Постойте! Уж больно мы заторопились в своей истории. Так оно и в жизни – спешит, спешит человек, гонит вскачь кобылку-удачу, а нет бы – остановиться да глянуть по сторонам, может, что хорошее ждало рядом, а так и промелькнуло незамеченным.

Вот вспомнили мы про сундучок с семейным серебром, обмолвились между прочим, а ведь это целая история, презанятная, надо сказать, история, и началась она с того дня, когда много лет назад другая Миркина бабушка Златка Раппопорт решила продать корову.

А что, спрашивается, Златке не продать корову, когда старший ее сыночек Абрам, огонек ее, золотая головушка, выучился на самого ребе, и жена его, голубушка Рахель, свято почитает свекровь, что ни день шлет ей штрудели да халы, будто на дворе у нас каждый день Шабес. А уж по субботам и говорить нечего, по субботам нет у ребе Абрама желанней гостей, чем старая Златка, вдовая его матушка. Так и сказал ей сыночек:

– Хватит тебе, мамочка, надрываться, до зари вставать, руки ломать непосильной работой. Продай ты эту корову и отдыхай спокойно! Или не найдется у нас для родной матери теплого угла да сладкого куска?

И что вы думаете, долго ли размышляла Златка? Недели не прошло, как корова ее стояла на дворе у соседки Фрумы Шнеерзон! А Златка на ближайшую субботу явилась к сыну в гости в новой шали и сладко скрипящих ладных кожаных башмаках. Но не в башмаках дело, и стали бы мы отнимать ваше время ради старушечьей шали! Обеими руками держала нарядная Златка короб, обклеенный золотой бумагой с печатями. И что вы думаете, там лежало? Двенадцать серебряных рюмок! И не каких-нибудь там простых никчемных рюмок, а неопикуемой красоты роскошных рюмок царского завода, с чеканкой да вензелями! И нечего зря считать да охать! Почему это, спрашивается, ее сыну ребе Раппопорту, уважаемому семейному человеку, красавцу и умнице не иметь собственного серебра?!

Ах, как гордилась Рахель, выставляя на стол ровный ряд блестящих рюмочек, как мечтала устроить настоящую богатую бар-мицву старшему сыну Мотлу. Что ж, не судьба ей была дожить до главного праздника своего мальчика, нет, не судьба.

После смерти жены потерял Абрам интерес ко всему земному, а уж к рюмкам и подавно, и вспомнил про них лишь спустя пять лет, когда пришла-прикатила неожиданная пора – выдавать Мирку замуж. И верно, не вспомнил бы, коли не нужда. За годы вдовства сильно обеднела и прежде небогатая семья ребе, но то ж – его беда, ему и нести. А разве доченька единственная, отцова помощница, радость души его Мирка не заслужила красивой свадьбы?

И понес ребе Абрам свои рюмки Хаиму Заку.

Здесь уж нельзя не сказать пару слов и про Хаима Зака. Говорили, что еще почтенный отец его, Симха Зак, в юности нашел клад. Клад ли, другое богатство или просто разумно трудился человек, а завистники свое наплели, но деньги оказались в хороших руках. Не растратил, не прогулял их Симха, зря людям пыль в глаза не пускал, а собрался с умом, построил большой прочный дом, родил шестерых сыновей да всех вывел в люди. Вот и Хаим Зак, Симхин старший сын, человек был строгий, богатством зря не похвалялся, в синагоге не выделялся, хотя дом имел самый большой в местечке и свой выезд в придачу. Случалось, давал деньги в рост и брал вещи в заклад, но совесть не терял, процентов больших не назначал и слово свое держал крепко.

Вот к этому человеку и понес Абрам свое единственное богатство. Ничего не сказал Хаим, не улыбнулся даже, спросил только, по какому случаю заклад, но деньги назначил большие, ребе Раппопорт и не ждал столько. Хватило Мирке и на платье, и на стол для гостей. А одеяла-подушки еще покойная Рахель заготовила своей доченьке, видно, чувствовало материнское сердце скорую разлуку.

Можно не говорить, что все местечко гуляло на свадьбе у дочки ребе. Был зван и Хаим Зак. Пришел он не в начале, – уж пропели-проплакали первые песни и гости столпились вокруг хупы, – пришел и молча поставил к ногам ребе небольшой кованый сундучок. Тут как раз музыка заиграла, молитва началась, запричитали кумушки над невестой-сиротой, а им бы только поплакать да на хупу поглазеть! Так и получилось, что только к концу вечера открыли молодые сундучок, открыли и увидели... Да! все двенадцать рюмок покойной ныне Златки, с чеканкой да вензелями, а возле каждой рюмки – по две серебряные ложечки того же завода, столовая и чайная. Вот какой подарок принес дочке ребе Хаим Зак.

Задумалась, склонилась над сундучком Мирка, Мира Абрамовна Блюм. Тридцать лет пролетело как один день, неужто ей скоро сорок восемь? И нет на свете ни мудрого отца, ни обеих бабушек, и сама она почти бабушка, и любимые дети скоро разлетятся по свету, зови не зови...

Нет, вы только подумайте, расселась-распричиталась! Солнышко давно прикатило, разгулялось на полнеба, а у нее каша не сварена, тесто перестоялось, давно пора пироги начинять! Так тепло на душе, когда в доме пахнет свежими пирогами – мир да покой.

Глава 3. Родители

Как сладко пахнет из кухни – навсегда любимый запах всходящего теста, дурманящие загадочные слова: корица, ваниль, курага. В нашем доме печется пирог – значит, в нашем доме опять мир и покой.

Вот мама, торжественно переступая в домашних тапочках, с румянцем, слегка присыпанным мукой, вносит на вытянутых руках высокий прекрасный торт, ну чуть-чуть кособокий, право же, самую малость. На торте красивыми кремовыми буквами выложено «АРОЧКА» и цифры: «48». Вообще-то моего папу зовут Арон, но, вы же помните, мама обожает придумывать ласкательные имена.

– Арочка, – вслух читает папа, – очень трогательно и оригинально. Можно еще сказать башенка или барельефчик.

– Бессовестный, – ахает мама, – настоящий мамзер! Я все утро старалась, выдавливая крем из шприца, розочки рисовала, а ему только смеяться!

Папа обнимает маму своими длинными ручищами и одновременно молниеносным движением отщипывает палочку от цифры «4». Получается – «АРОЧКА – 18».

– Веруля, дорогая, ты даже не представляешь, как я восхищен именно розочками! Настоящая художественная графика из шприца! Но особенно приятна твоя деликатность по поводу моего возраста.

Согласитесь, такого папу нарочно не придумаешь!

Мои родители – врачи. Они учились вместе в Ленинградском мединституте, и мама с первого курса безумно влюбилась в папу. Правда, папа долгое время ее не замечал. Он вообще был ужасный гулена и сердцеед и назначал в день по три свидания. Самое смешное, что мама до сих пор помнит всех его поклонниц, а сам папа не помнит ни одной!

– Как же так, – возмущается мама, – ты не помнишь Люсю?! Длинная блондинка с косой и бантом? Кстати, я никогда не понимала, зачем отращивать такую тощую косицу. Но вы же сидели вместе на анатомии!

Папа разводит руками.

– А Виолетта! Ты что, и Виолетту не помнишь? Толстая попа, платье в горошек? Она всегда носила дурацкие вышитые воротнички.

Папа опять разводит руками:

– Верочка, они тебе померещились в порыве ревности и страсти.

– Подумать только, – сокрушается мама, – я три года лила слезы из-за этого болтуна и донжуана!

Да, да. Только на третьем курсе папа заметил маму и тоже назначил ей свидание. А еще через месяц он сделал ей предложение. Мама ахнула и согласилась.

– До сих пор не понимаю, – рассказывает она шепотом, – почему твоему отцу взбрело в голову жениться именно на мне! Ты не представляешь, какие у него были завидные партии – дочка проректора, первая красавица факультета... Я ног под собой не чуяла и боялась только одного, как бы он не передумал!

В том же месяце мои родители поженились, но еще год скрывались от однокурсников и целовались по углам, ведь им совершенно негде было жить. И вот тут появляется Соня номер один, или, проще говоря, одна из моих теток, в честь которых, если вы еще помните, я была названа.

Собственно говоря, появилась она давно, так как была маминой старшей сестрой, более того, она одна вырастила маму, потому что их родители умерли еще до революции. Кажется, там случилась эпидемия тифа или еще какая-то Катастрофа, вся семья погибла,

и только одна Соня сумела спастись и спасти новорожденную сестру, хотя ей самой было не больше пятнадцати лет. Но от ужаса пережитого она забыла все, что с ними обеими случилось. Она забыла даже название города или села, где они жили, каким-то чудом сохранилось только имя отца. Его звали Соломон Зак.

В детстве мама часто думала про своих родителей, что они живы и только временно потерялись, и как они обрадуются, когда увидят такую большую хорошую дочку Верочку. Она пыталась расспросить Соню, как звали их маму, где они жили, были ли у них еще братья и сестры, но та только молчала или начинала плакать. А потом мама привыкла и перестала спрашивать, тем более Соня любила ее как безумная, все разрешала, покупала подарки и водила кататься на каруселях, как любые нормальные родители. Сама Соня сначала работала санитаркой в больнице, они и комнату получили при больнице, а когда мама подросла и пошла в школу, Соня записалась на курсы медсестер. Самое интересное, что вскоре она стала первой ученицей на этих курсах! Оказалось, она в детстве училась в гимназии и прекрасно помнила химию, латынь, и даже французский язык. А родителей не помнила, вот странная болезнь, правда? Короче говоря, через пару лет Соня стала прекрасной медсестрой, все в больнице ее страшно уважали, и сам главврач отдельно здоровался за руку. И при этом она оставалась ужасной чудачкой. Например, не любила рыжих. Представляете?! Это при моей-то потомственной окраске! Папа говорит, Соня даже в трамвае пересаживалась на другую скамейку, если видела возле себя какого-нибудь рыжего. И еще она была убежденной старой девой. Это тоже папа проболтался. Если кто-то из мужчин даже в шутку пытался за ней ухаживать, Соня приходила в ужасное негодование и расстройство. А во всем остальном была добрейшим и крайне деликатным человеком.

И вот именно Соня номер один, мамина смешная и малость нелепая старшая сестра, стала настоящей доброй феей для моих родителей. Это она настояла, чтобы мама поступала в медицинский, то есть была косвенной виновницей их знакомства. Это она устроила настоящий свадебный обед, испекла на домашнем керогазе никем доселе невиданный торт-наполеон, а потом две недели скиталась по знакомым, чтобы молодые могли хоть немного пожить одни. Это она готовила приданое для их первого ребенка, не дыша несла Марьяшу из роддома, не доверив даже папе, и три месяца качала ее на руках дни и ночи. Потому что ребенок не должен страдать и плакать.

А потом родителям дали отдельную комнату в студенческом общежитии, настоящую отдельную комнату в восемь квадратных метров! Там свободно помещались кушетка, и письменный стол, и Марьяшина кровать.

– Правда, для шкафа места уже не оставалось, – говорит мама, – но это не имело никакого значения, я была абсолютно невозможно счастлива!

* * *

Мой чемодан давно собран и стоит у входа в детскую как настоящий живой свидетель наступающей свободы.

– Не вздумай выходить на остановках! – в десятый раз повторяет мама. – И не разговаривай с незнакомыми людьми, особенно с мужчинами!

– А если твоя дочь встретит знакомых мужчин? – спрашивает папа.

– Тебе лишь бы зубоскалить! Отправляем девочку совершенно одну, а у тебя душа не болит!

Мама и папа вечно ссорятся, но обычно они ссорятся на медицинские темы.

– Представляешь, – рассказывает мама, – привезли ребенка с тошнотой и болями в животе. Накануне вся семья отравилась колбасой. Ну схватились сразу промывать. Не лучше. Капельницу поставили. Не лучше. В общем, оказался аппендицит. Еле спасли.

- А лейкоцитоз в динамике проверяли? – спрашивает папа.
- Да не взяли сразу кровь, в том-то и дело. Вроде такая ясная была картина...
- Убийцы! – кричит папа и хватается за голову, – средневековые, варвары на свободе!

И таким головотяпам люди доверяют своих детей!

Мама начинает плакать.

- Вот, вот, – возмущается папа, ты бы поплакала родителям этого ребенка!

Раньше я пугалась таких ссор, а потом привыкла и часто засыпала под тихий яростный шепот:

– Диета при панкреатите?! Нет, это черт знает что такое! Голод, только голод, холод и покой!

– Антибиотики? Проще всего – антибиотики! А ты попробуй, вылечи ребенка, у которого непереносимость ко всем группам!

Только не подумайте, что мой папа может долго оставаться серьезным или строгим. Никакой надежды! Например, прошлой осенью мы всей семьей гуляли по дорожке Александровского сада, прямо напротив нового памятника Неизвестному солдату, и папа увлеченно пересказывал маме последнюю статью из терапевтического архива. И вдруг я замечаю, что встречные прохожие как-то странно оглядываются. Я смотрю на папины ноги и вижу, что в то время как левая нога спокойно делает шаг за шагом, правая описывает полукруг, потом очень изящно взбрыкивает куда-то вбок и только после этого опускается на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.